

К84(2Рос=Рус)Г-5
А72

Михаил Антохин

ТРЕВОЖНЫЙ ЗВОН

Михаил АНТОХИН

ТРЕВОЖНЫЙ ЗВОН

Стихи

г.Сургут
Северо-Сибирское региональное
книжное издательство
1998 год

ББК 84 Р7
А-91

❖ СЕРИЯ “ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ ЮГРЫ”

Из библиотечки газеты “Северный дом”

Антохин М.К.

А 91 «ТРЕВОЖНЫЙ ЗВОН». Стихи. — СУРГУТ:
«Северо-Сибирское региональное книжное
издательство», 1998 г. — 32 стр.

А $\frac{4702010202}{Г55(03)-98}$ — без объяв. 98

ISBN 5-8260-0300-6

© Северо-Сибирское
региональное книжное
издательство, 1998 г.

© М.К.Антохин

ЗВЕЗДНАЯ ПОРОША ЕСТЬ ЕЩЕ В ГЛАЗАХ...

Михаил Антохин живет и трудится в Сургуте. Он — активный член литературного объединения «Северный огонек», поэт, как говорится, со стажем.

Стихи Михаила Антохина публиковались в разных газетах и журналах Сургута и Ханты-Мансийского автономного округа.

Поэтическая подборка, опубликованная в литературной гостининой газеты «Северный дом», была очень тепло принята читателями.

В Северо-Сибирском региональном книжном издательстве уже готова к печати книга стихов и поэм Михаила Антохина.

На заседании редсовета издательства решено книгу стихов Михаила Антохина включить в издательскую программу на 1998 год.

По предложению членов Сургутского литературного объединения «Северный огонек» открываем новую серию «В литературной гостининой газеты «Северный дом» изданием подборки стихов Михаила Антохина под названием «Тревожный звон».

Автор полон творческих сил и надежд на создание новых стихов. Нам остается пожелать ему успехов!

Редсовет издательства.

* * *

Когда душа и ум в разладе,
когда двоится колея, —
на окружающих не глядя:
пусти на волю свое «я».

Оно пройдет сквозь рвы и дебри,
и, изодрав колени в кровь, —
войдет в единственные двери,
где исцеление — любовь,

где родники
живой водою
тебя церковно окропят
и над обидой и бедою
для новой жизни воскресят.

* * *

Поля,
Проселки,
Перелески.
Над речкой — зелень ивняка.
И звезды, царские подвески,
Продрогшие на сквозняках.
Дороги выверты крутые,
Как петли заячьих следов.
И — до безумия простые,
Посадки фру́ктовых садов.

* * *

О, как красив, как легок локон
Твоих пленительных волос, —
Он, как рисунок зимних окон,
Что за ночь вырезал мороз.
Он — и облака воздушность,
И колыханье, и мечта.
Пред ним воображение — тучность,
Беспомощность и суета.
Как близок он, и как далек он,
И невозможно его смять...
Сквозь толщу лет,
Сквозь стылость окон
Он продолжает мне сиять.

* * *

Прекрасен дом,
Коль добр хозяин в доме.
Умна хозяйка —
Дом прекрасен вдвое.
Но если нет в нем
Юного посева, —
Дом, как скворечник,
Что лицом на север.

* * *

Видно — мужик перепил:
Где «воевал» — там согнулся,
С вечера все перебил,
Утро пришло — содрогнулся!

Сел он на куче стекла,
Пальцами в космы вцепился.
По носу капля стекла:
Видно — прозрел,
Протрезвился.

Эх, горевая душа,
Как твои слезы обильны!..
Как мы сильны — разрушать,
Как создавать мы —
Бессильны!

* * *

Когда окончу
смелый,
назначенный мне путь, —
тяжелый камень
серый
взвалите мне на грудь.

Нетесанный — взвалите,
чтобы прохожий знал,
что никакой элите,
я не принадлежал.

* * *

Я день один в разлуке про́жил,
Лишь день не мог тебя я зреть.
Любимая, — и все же, все же
Душа успела постареть.
И я теперь другой отныне:
Печален, грустен и суров, —
Как будто из души отлили
Золотоглазых — чашу — слов.
Как будто сердце оголили
И, крику горькому не вняв,
На нем окурок раздавили,
Слюною черной заплевав.

ВЕЧЕРНЕЕ

Вечер малиновый.
Зори — крови след.
Я еще не вылинял,
но душою — сед!
Звезды, вылейтесь
светлостью в меня.
Пулю на вылете
хочется обнять...
Я себя насилую,
ветрено живя.
Где моя милая?
Может — не жива?
Может — и мне за ней
В черную толщ земли?
Я уже зарезаннее
тех, что умерли!
Небо вечернее
лунность пьет.
Что-то расчерненное
на меня идет.
Я назад не брошусь,
не пойду назад, —
звездная пороша
есть еще в глазах!

* * *

Мельтешенье снежинок
Переходит во мглу...
Вся страна, будто рынок —
Торг на каждом углу.
Что постигло нас, Боже?
Кара или закон?
Как все стало похоже
На овечий загон!
Мы сварливы, бодасты...
Сплошь — разлад и развал...
Где же? Где же тот пастырь,
Кто бы пищу нам дал?
Души стали пустые
От тлетворной молвы,
И глаза, как пустыни, —
Ни воды, ни травы.
Но, унизясь,
Не треснем,
Как прогнивший причал.
И взойдем,
И воскреснем
Для великих начал!

* * *

День — двадцатое июля.
Море дышит глубиной.
Струи воздуха уснули.
Всюду жар и всюду зной.
Ветер во́ды не качает.
Не темнеет даль в грозе.
Приводнилась стая чаек —
Белизна на бирюзе.
В золотом оплыве солнца
Пух слетает с тополей.
И поет, как веретенце,
Птица песенку полей.
Сладко радуется дойна
На четвертом этаже...
Миротворно и покойно
На земле и на душе.

* * *

На свете есть и роза,
и шиповник.
И разница меж ними такова:
Она всегда, — где торжества,
А он — где гарь и пустошь,
и коровник.

* * *

Там,
Где каменная будка, —
Засветилась незабудка.
Затоптали бедную
За полушку медную.
Так сумели затоптать —
Даже корня не видать.

СЕВЕРНЫЕ АЭРОПОРТЫ

Аэропорт набит людьми —
как груздем на зиму кадушка!
Мороз — за сорок — за дверьми,
а здесь: и пасмурно, и душно.
До грамма съеден кислород.
В накрапах
лбов горячих глыбы, —
но — прибавляется народ
с веселой радугой улыбок.
О, улыбающийся люд!
Хотя, чему тут улыбаться,
коль третьи сутки не дают
за деньги на небо взобраться!
Но — мало кто о том ворчит
и кто вступает в перепалку.
Могучие бородачи
прогуливаются вразвалку.
Шагание унтов и шуб,
шуршание шарфов и шапок,
пожатья рук, восторги губ
и — фунт презрения на шавок!

Порóзнь живущее родство,
собравшееся воедино, —
и откровенно,
и наивно
свое являет естество.
Здесь всех наречий говорок;
здесь споры бурные о жизни;
что ни кружок — то уголок
великой матери-отчизны.
Я рад, что в этой толчее
не крайний я и не последний,
а созидатель и наследник
с живой заботой на челе.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ПОЭТЫ

На улочке кривой и узкой
я встретил их и — обомлел:
поэты ходят по земле
и даже ходят по Сургутской!
Поэты ходят в магазин,
в очередях стоят с авоськой,
толкаются среди разинь
и улыбаются повозкам.
Парнасом их не стал Арбат,
где смесь амбиций и породы!
Из конституционных бань
спешат в церковные приходы.
Раздетые до наготы,
с одной вселенскою идеей, —
поэты роют, как кроты,
в запретных зонах Берендея!
Они — одни на приступ царств
идут, в карманы сунув руки, —
как обличители тиранств,
и как заложники на муки.
Спешат разведать и раздать, —
в прозрачность души истирают,
и в лучшие свои года
в глухом забвеньи
прозябают.

Круглосезонная дубленка,
треух замызганный, порты.
Угрюмо хлюпает долбленка
у берега, где киснешь ты.
Дожди затеяли мороку,
ветра затеяли скулеж, —
как полагается пророку —
ты в этой выверти живешь.
Седой опутан бородою,
с больными углями в глазах, —
ты окружен святой водою,
язычествующей в кустах,
где меж корней,
на гулких глыбах,
под гусеницами копра,
ее языческие всхлипы,
как вопли твоего нутра.
Но... все без отклика,
все — глухо,
все в жизни — разучились сметь!
И — только в образе главбуха
счета выписывает смерть.

* * *

Век на исходе.
На исходе
Пустая маска бытия.
С каких высот, скажи, нисходит
Улыбка тайная твоя?
Смотрю в лицо:
Какая сила,
Какая мощь, какая стать
Себя
В ТЕБЯ преобразила
В веках под звездами сиять?
В мои глаза вникают очи.
И дрожь берет меня,
И страх,
Глубь океана,
Бездна ночи,
И свет, и тайна
На устах!
И этим светом озаренный,
Иду и в ночь, и в пустоту.
И воздух,
Спелый и ядреный,
В меня вливает
Чистоту.

* * *

Те раны
Никогда не заживают,
Когда отцы сынов переживают;

И не бывает в мире дня черней,
В который матери
Хоронят дочерей;

И нет на свете
Неизбывней муки,
Когда ложатся в гроб не старики,
А внуки.

* * *

Отчетливо,
С достоинством,
С пристрастием
Сказали: «Шиш вам —
не народовластия.»
Сказали однозначно —
Как отрезали!
И — говорили —
Абсолютно трезвые...
И ходим мы,
По собственной стране
Как бóсыми ногами
По стерне.

ГУСИ

Малиново гудут колокола.
Серебряно позванивают гусли.
С дозорной вышки слышит верхолаз,
как на лету постанывают гуси.
Торопятся усталые крыла,
срезая синь нахлынувшего неба.
Дорога из-за Дона тяжела:
поля пусты — ни зернышка, ни хлеба.
Ко Новгороду тянется весна,
сбивая люд в отхожие артели.
За зиму поубавилась казна,
чуланы и сусеки опустели.
Из кузниц льется наковален звон:
куют мечи и сошники на сохи...
А гуси рассекают горизонт
и пропадают в жестяной осоке;
на северные отмели крыла
гусей уносят от беды вчерашней.
С весною Русь берется за дела:
князя — за войны,
батраки — за пашни.

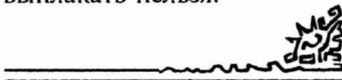
МЕЧ ВСЕВОЛОДА

Был меч как меч: булатен и
тяжел!
Но — от своих собратьев
тем отличен,
что он вовек не знал
слепых ножон —
и всем в глаза
являл свое обличье!
В безделии угрюмо он сверкал.
Но —
только наступало брани время, —
однажды опускаясь,
рассекал
и круп коня,
и седока — по стремя!
Давно истлела мощная рука.
Теперь народ иной,
страна другая...
А меч,
ушедший в землю навека, —
еще доселе
половцев пугает!

СЕЧА

Слезится солнце кровависто-черным
оплывшим глазом в желтое жнивье.
Как синь воды
осмоленные челны —
застлало небо злое воронье.
Дымится поле, как сплошная рана.
И здесь, и там, —
насколько хватит глаз —
лежат тела и головы
так рано
навек друг от друга отделясь.
Ах, Игорь, Игорь!..
Ты за славой вывел
свои полки в чужую сторону.
Дружинам очи
вечер смерти выел —
и к очагам их больше не вернуть.
Скорбь сошла
на злое поле сечи...
И — до сих пор,
лицо в ладони взяв, —
она стоит,
и вздрагивают плечи
от горечи,
что выплакать нельзя.

* * *

Как волны — идут поколения.
У каждого взмах свой и взлет.
На гребне блеснут и — паденье, —
А бездна уж новые ждет.
Великая тайна вершится.
Творит кто-то дело свое.
Присмотришься —
Твердь ворошится
От тех, что ступили в нее.
И в горле то кисло, то пресно.
Устойчивый рушится мир.
Им, видно, в земле уже тесно, —
Толкают друг друга локтями.
Пустой ли,
Иль бросивший семя —
Все там;
Все смешались — кто с кем...
Стирает нас грозное время,
Как море — следы на песке.

* * *

Падают — один,
другой...
четвертый...
Грудь — навывлет,
вены — поперек...
Ты стоишь...
какого смотришь черта?
Изживешь ли
горький свой порок?
О Россия!
В черной безнадежности
ты теряешь кровное,
свое.
Не хватает на поэтов нежности —
и идут они в небытие.
А потом,
как загнанная кляча,
над простым могильным бугорком
ты стоишь
и безголосо плачешь,
разминая горе кулаком.

Обезводила,
Обмелела
Дорогая моя Иня.
Что ж ты, милая,
Обомлела,
Или, может, забыла меня?
Жар спалил ее, эту речку
Так, что донный виден песок.
Отзовись хоть одним

Остуди раскаленный висок.
На реке перекат, — как пояс,
Золотой, —
Вот возьми и надень.
Я, любимая, жил тобою,
Жил всю жизнь,
Как один этот день.
Обезводила, обмелела
Дорогая моя Иня.
Голова совсем побелела, —
Жду тебя я,
Люблю тебя.

* * *

И все — от имени народа!
И вот уж
Именем его
Почти раздавлена природа,
Осталось — справить торжество.
Заткнул он уши!
Но — спиною,
Хребтом, —
Он слышит — как укор —
Что именем его
Страною
Идет
Страны его
Разор.

СОДЕРЖАНИЕ

«Когда душа и ум в разладе...»	4
«Поля, проселки, перелески...»	5
«О, как красив, как легок локон...»	6
«Прекрасен дом...»	7
«Видно — мужик перепил...»	8
«Когда окончу...»	9
«Я день один в разлуке прожил...»	10
Вечернее	11
«Мельтешенье снежинок»	12
«День — двадцатое июля...»	13
«На свете есть и роза...»	14
«Там, где каменная будка...»	15
Северные аэропорты	16
Провинциальные поэты	18
«Круглосезонная дубленка...»	19
«Век на исходе...»	20
«Те раны никогда не заживают...»	21
«Отчетливо, с достоинством...»	22
«Стрекоз прозрачность над осокой...»	23
Гуси	24
Меч Всеволода	25
Сеча	26
«Как волны — идут поколенья...»	27
«Падают — один, другой...»	28
«Обезводила, обмелела...»	29
«И все — от имени народа...»	30

МИХАИЛ КУЗЬМИЧ АНТОХИН
ТРЕВОЖНЫЙ ЗВОН
СТИХИ

Редактор-составитель **Л.Цареградская**
Редактор **Н.Сочихин**
Художник **В.Довган**
Технический редактор **Т.Сорокина**
Корректор **М.Макарова**

Верстка, набор выполнены в компьютерном
центре газеты “Северный дом”.

Подписано в печать 7.01.98 г.
Формат 60 х 84/32. Бумага типографская.
Гарнитура TimesET. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 0,93. Тираж 1100 экз. Заказ 1899.

Северо-Сибирское региональное книжное издательство.
626400, Тюменская обл., Ханты-Мансийский
автономный округ, г.Сургут, ул.Маяковского, 14“а”.

Сургутская типография.
626400, Тюменская обл., Ханты-Мансийский
автономный округ, г.Сургут, ул.Маяковского, 14.

АНОНС!

*В Северо-Сибирском
региональном книжном
издательстве готова
к печати книга стихов
Георгия ЕШИМОВА
из серии "Литературная
гостиная Югры".*

*Автор живет и работает
в Сургуте. Он - член
литературного объединения
"Северный огонек".*

*Творчество Георгия Ешимова
очень многогранно:*

- он объясняется в любви
женщинам;*
- он воспекает героике труда
нефтяников;*
- он сочиняет острые пародии
на своих коллег-поэтов.*

Он просто любит людей!

